

ПАМЯТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ

Постоянный поиск идентичности является одной из отличительных черт современной литературы. Обращение к исторической памяти является закономерным средством поиска личностного и национального возрождения и обретения себя. Статья посвящена выявлению некоторых стратегий преодоления кризиса идентичности в прозе белорусских и англоязычных авторов через диалог с прошлым, трансцендентный опыт, ритуал, творческое воображение.

Ключевые слова: идентичность, литературный диалог, лейтмотив, современная литература, историческая проза, травма.

Центральной проблемой, к которой нередко можно свести большинство сюжетных конфликтов современной исторической прозы как англоязычных, так и белорусских авторов, является вопрос потери культурной памяти, той основы, которая является фундаментом не только национальной, коллективной но и личной идентичности и без которой гораздо сложнее сформировать сколько-нибудь значимое видение себя. Многие исследователи, например, – Р. Лангбаум (R. Langbaum), П. Джонс (W. Paul Jones), Дж. Хансен (Julie Hansen), И. Нордин (Irene Gilsenan Nordin) и другие, называют вопросы идентичности центральными для современной литературы. В белорусском литературоведении отдельные аспекты данной проблемы затронуты в статьях И. Шевляковой-Борзенко, А. Мельниковой, Л. Д. Синьковой, П. Кошмана, И. Бобкова, однако систематическое изучение данной проблемы только начинается, поэтому актуальным представляется компаративное изучение и выявление особенностей концепций формирования личной и национальной идентичности через обращение к истории в творчестве современных авторов разных стран.

Травма исторического беспамятства и, как следствие, потери понимания себя и своего места в мире – лейтмотив творчества очень многих белорусских авторов: «дзе наша старажытнасьць <...> Дзе ж сьляды гэтых пакаленьняў, якім ветрам іх занесла, якой завей замяло, якой травой забыцца яны зарасьлі, якія дрыгва і багна іх паглынулі?» [2: 18] Британская писательница Х. Мэнтел в своем творчестве неоднократно возвращается к проблеме происхождения как отдельных героев, так и английской нации. В одном из своих интервью она так говорит о важности семейной истории: «My own family history is meagre. An audience member once said to me, “I come from a long line of nobodies”» [12]. В данном случае интересно употребление слова «nobodies», словно человек, не знающих своих корней не существует – «ня мае сеньня энсу крываваы вопыт нашых бацькоў, продкаў [2: 18]. Главный герой ее известной трилогии – Томас Кромвель – известен в том числе тем, что ввел метрические записи в церковных книгах для всех жителей Англии, чтобы не только аристократы, но и простолюдины могли знать свою родословную.

Творчество многих современных авторов – Д. Митчелла, К. Исигуро, М. Атвуд, Л. Рублевской, А. Федоренко, А. Аркуша и многих других – демонстрирует уверенность в том, что без знания об истоках современности, формируется неполноценная личность: «Я думаю пра тое, што мы – аднадзёнкі, людзі свету аднаразовага посуду і аднаразовай культуры. Продкі, шматкроць болей варгыя за нас» [4: 30-31].

Невольное или добровольное беспомыслие напрямую связано с неспособностью понять и объяснить настоящее. Персонажи подобных сюжетов нередко лишены чувства самодостаточности, принадлежности, легко поддаются влиянию и манипуляции. Неоднократно подчеркивается, например, как советский период насильно разрывал историческую преемственность, переименовая, перекраивая, уничтожая прошлое и порождая множественные провалы в ощущении времени и абсурдность хронотопа, обыгрывается бессмысленность названий пространственно-временных реалий, в которых мы живем: «каля былога Губернатарскага, а цяпер чамусьці імя Горкага, парку» [5: 258]. У англоязычных авторов акцентируется тот факт, что важно не только помнить, но иметь смелость сказать правду о прошлом, в их произведениях основная проблема – насильственное молчание, «silencing», которое воплощается в символических образах немых и заикающихся героев и даже метафорических уздечек, которые власти надевают на неудобных свидетелей, аналогичных орудиям средневековых палачей. «Bits. The scold's bridle used to silence recalcitrant women in the Middle Ages» [6: 241]. Об искушении помнить только то, что удобно, говорят герои К. Исигуро: «If that's how you've remembered it, Axl, let it be the way it was» [11: 85].

Как видно из примеров, причиной утраты памяти является некая травма, которая отрицается на уровне одобренного обществом официального дискурса. Вытесненная из реальности, правда истории воплощается в ночных кошмарах и чудовищах через элементы готической стилистики и магического реализма.

Предпочтительной стратегией преодоления культурной амнезии и немоты становится сюжетное выстраивание некоего подобия сократовского диалога. Вначале персонажам предлагается заманчивая альтернатива приспособиться, принять удобное объяснение, начать жизнь с чистого листа. Через лучшего друга осторожно звучит голос благоразумия в романе А. Аркуша: «Мая парада наступная. Забудзь» [1: 119]. Подобный подход практикуют доктора военных госпиталей у П. Баркер: «The typical patient, arriving at Craiglockhart, had usually been devoting considerable energy to the task of forgetting whatever traumatic events had precipitated his neurosis» [6: 26].

Аргументы, выдвигаемые авторами против любой попытки скрыть прошлое, универсальны. Главный из них – ненадежность стабильности, достигнутой с помощью замалчивания неудобной правды: «any relationship tends to become dependent on some unspoken agreement not to go to certain memories, certain dark passages. After a while, you start to ask, Is our bond, is our love, based on something phony if it depends on things being kept hidden?» [10].

Попытки переписать историю с точки зрения героев произведений всегда несостоятельны, хотя сделать это обманчиво легко: «Erasure seems simple – blink and it's gone, overwrite the line. But nothing ever really goes away». [7]. У К. Исигуро на фоне пораженных амнезией селений появляется образ людоедов, которые нападают на детей и исчезают с ними в тумане, словно символ потерянной памяти, которая крадет будущее.

Наиболее опасное последствие замалчивания неудобных страниц прошлого – когда мы в своем восприятии национального прошлого теряем грань между допустимым и неприемлемым, знаками плюс и минус, забываем «сваіх пакутнікаў, на іх магілах ставім помнікі іх забойцам і катам» [2: 22]. Страх действовать, страх признать правду, страх стать собой настоящим – все это приводит к исчезновению внутреннего диалога, рефлексии, в результате чего герои, по замечанию Ф. Элфорда, ведут хаотичную поверхностную жизнь.

В итоге путь к исцелению и настоящему примирению для героев всегда лежит в опровержении иллюзий и утверждении правды даже если приходится идти против всего общества.

Главным и наиболее действенным средством исцеления писатели видят полное принятие себя, своего прошлого как пути к прощению и будущему: «It was Rivers's conviction that those who had learned to know themselves, and to accept their emotions, were less likely to break down again» [6: 46]. Возвращение – лейтмотив произведений, затрагивающих проблемы поиска идентичности. Правдивую память об ушедших поколениях пытаются очистить, вернуть живым писатели, выбирая для своих произведений названия «Regeneration», «Рэвізія», «Lost among the living». По словам Х. Мэнтелл, в своем искусстве «мы бежим за мертвыми, крича «Вернись»: «But if we want to meet the dead looking alive, we turn to art. In imagination, we chase the dead, shouting, "Come back!» [9] По реке Лета отправляется «У зваротную дарогу да сябе былога» герой В. Казько. Вопросу возвращения посвящен роман А. Аркуша «Захоп Беларусі», где персонаж публикует рассказ под названием «Вяртаньне».

Ведущая стратегия подобного возвращения – диалог с прошлым, который реализуется несколькими способами: во-первых через использование параллельных сюжетов. Действие развивается одновременно и в прошлом (иногда вводится несколько временных линий), и в настоящем, причем судьба предков повторяется, проживается зеркально их потомками, чтобы вернуть себе утраченные воспоминания, а с ними и надежду на будущее (практически все романы Л. Рублевской и С. Сент Джеймс).

Во-вторых принцип диалога реализуется буквально через разговор, послание (чаще всего случайно найденное письмо, дневник, фотографию, даже телефонный звонок). В этом случае писатели нередко наделяют героя особым «видением» или даром медиума, что дает художественную свободу воссоздавать богатые, яркие фрагменты прошлого, что далеко не всегда доступно фактическому историческому исследованию.

Потребность в связи поколений прослеживается во всех рассмотренных текстах, и чем сильнее общественные ограничения, тем более фантастичные формы она принимает. В «Broken Girls» С. Сент-Джеймс ученицы закрытой специализированной школы оставляют послания в библиотечных учебниках. Герои белорусских произведений видят сны, которые становятся машиной времени и окном в прошлое («Захоп Беларусі» А. Аркуша, «Рэвізія» А. Федоренко, «Скокі смерці» Л. Рублевской). Герои словно говорят голосом ушедших, подобно монодраме – классическому методу психотерапии, когда пациент, например, пишет себе письма от лица другого человека и сам потом на них отвечает («Рэвізія» А. Федоренко). Именно через различные формы диалога герои хотя бы в воображении интуитивно стремятся завершить исторический «гештальт».

Огромная роль в формировании видения себя и своей страны придается слову. Показывается, как историческая реальность, репутация, даже судьба создается силой слова, как, например, это демонстрирует И. Макьюэн в своем известном романе «Atonement» или Х. Ментелл в картине падения Кромвеля в «The Mirror & The Light», а также Л. Рублевской и А. Федоренко, в произведениях которых персонаж-писатель имеет власть буквально «переписать» судьбы главных героев. Продолжение этой закономерности – исцеление героя через творчество, так как создание по своей сути антоним травмы как смерти и разрушения.

Один из главных героев цикла П. Баркер «The Regeneration trilogy» поэт З. Сассун, объявлен сумасшедшим за антивоенную декларацию. Он может высказаться только в своих стихах, художественная условность которых не позволяет отдать его под суд и, одновременно дает возможность рассказать о пережитом на фронте и через это исцелиться. Как отмечает другой персонаж, доктор Риверс, Сассун – практически единственный его пациент без невротических симптомов: «Writing the poems had obviously been therapeutic ... He thought that Sassoon's poetry and his protest sprang from a single source, and each could be linked to his recovery from that terrible period of nightmares and hallucinations» [6: 24]. Тот же целительный эффект оказывает рассказ о своем опыте и ведение дневника на бывшую заключенную концлагеря в романе «The Broken Girls» С. Сент-Джеймс. К. Исигуро в своих интервью признается, что творчество стало для него способом преодолеть потерю своей первой родины, ведь в романах он мог создать свою реальность и свою Японию и, возможно, преодолеть чувство вины за то, что так быстро забыл ее.

Таким образом нередко именно литературный текст становится искуплением за наше забвение и непрожитые жизни героев прошлого: «You can regard all novels as psychological compensation for lives unlive» [12].

Однако авторы осторожно относятся к подобному решению проблемы. Слова нередко становятся еще одним изощренным средством извратить правду. П. Баркер описывает практически оруэлловский метод лечения немоты. Доктор Йеалланд при помощи электрошока и иных подобных методов терапии, по сути пытает госпитализированных солдат, заставляя их произносить буквы и звуки. Его не интересует о чем молчат пациенты, он словно «перезаписывает», заново создает реальность с помощью слов, которые заставляет повторять за собой. Парадоксально, но уча говорить он заставляет героев молчать о том, что на самом деле важно. В этом случае тишина, намеренный отказ говорить, произносить заготовленную «удобную» версию событий обращается в самое сильное оружие протеста: «And yet on the ward, listening to the list of Callan's battles, he'd felt that nothing Callan could say could have been more powerful than his silence» [6: 96].

Тем не менее, исторический оптимизм – отличительная черта большинства современных текстов, в частности белорусских, которые в большинстве отвергают ранее доминировавшую установку на трагичное восприятие национальной судьбы и акцент на пережитых поражениях (что часто встречается в текстах 80-х-90х гг.)

Тенденция отвержения меланхолии, пассивности жертвы очевидна, например, в творчестве Л. Рублевской, которая большое внимание уделяет протесту против униженного и несправедливого положения человека в рамках системы и важности сохранения достоинства личности.

Находят в себе силы бороться даже в безнадежной ситуации герои В. Казько и А. Аркуша, хотя в их образах чувствуется усталость многих поражений: «Але яны яшчэ не перамаглі. Бо іх перамога – гэта калі кожны з нас зробіцца марсыянінам у адносінах да роднай культуры і мовы» [3].

Надежда для героев англоязычных произведений, способность бросить вызов своим страхам нередко связана с преодолением алкогольной или наркотической зависимости, которая выступает «мягким» аналогом самоубийства («Lost among the living» С. Сент-Джеймс)

Различия между писателями разных стран проявляются в основном в том, что составляет суть самой травмы. У белорусских авторов проблема утерянной исторической памяти гораздо масштабнее и распространяется на весь народ в целом, тогда как британские писатели привлекают внимание к страданию и дискриминации лишь определенной группы населения в рамках конкретного исторического события. То есть вектор интереса авторов белорусской и англоязычной прозы часто противоположен: в Британии, Америке более остро стоит вопрос недопустимости укрывания, замалчивания неприглядных моментов своей истории (военных преступлений имперских времен, бездарности определенного правителя, жестокости существовавшей государственной системы): «how people told the story of their own lives to themselves and how they deceive themselves. How sometimes they wanted to look at shameful episodes from the past that they had participated in and other times they absolutely did not want to look at those things» [10]. В белорусских произведениях все направлено наоборот на воссоздание тех моментов прошлого, которые были против нашей воли намеренно искажены, «украдены», когда Беларусь теряла независимость и сама становилась жертвой внешних сил. Из англоязычных авторов, пожалуй, только К. Исигуро глубоко затронул тему коллективной вины и потери памяти в масштабах целого народа. Реакция критиков, в том числе Нила Геймана и Джеймса Вуда показывает, что подобный подход не всегда близок и понятен англоязычной аудитории. Первый признает, что «The Buried Giant» is an exceptional novel», но в то же время сетует на «my inability to fall in love with it», второй упрекает автора в излишней обобщенности, и эффект оказывается «нежелательным»: «its fictional setting is feeble, mythically remote, generic, and pressureless; and because its allegory manages somehow to be at once too literal and too vague—a magic rare but unwelcome» [8], [13]. Критики романа в основном сосредотачиваются не на общественных, национальных коннотациях народной амнезии, а на более личной истории супружеской пары, которая борется за свои личные воспоминания. Возможно в разности подхода к исторической памяти определенную роль играет менталитет, все же Исигуро, будучи британским писателем, был воспитан (по его же признанию) на японской культуре, и его восприятие прошлого, по его собственному признанию, окрашено травмой потери воспоминаний о целой стране – своей изначальной родине.

Таким образом, сложности современных процессов формирования принадлежности героев связываются, прежде всего, с пережитой культурной травмой. Проблемы поиска идентичности в творчестве современных писателей нередко раскрывается через обращение к личной и семейной истории, которая в свою очередь становится зеркалом истории национальной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аркуш А. Захоп Беларусі марсіянамі: раман / Алесь Аркуш. – Полацк : Выдавецкая ініцыятыва «Полацкае ляда», 2016. - 137 с.
2. Казько В. Заірнуць у вочы свайму «Я». Аповесць / Віктар Казько // Дзеяслоў : літаратурна-мастацкі часопіс. – 2007. – №29. – С. 16-43.
3. Ластоўскі супраць марсіян [Электронны рэсурс] // Делаем вместе. Рецензии. – 17.01.2017. – Рэжым доступа: <http://delaemvmeste.by/lastouski-suprats-marsiyan/>
4. Рублеўская Л. Скокі смерці / Л. Рублеўская // Дзеяслоў. – 2005. – №19. – С. 19-71.
5. Федарэнка А. Нічыё / Андрэй Федарэнка. – Мінск : Маст. літ., 2009. – 430 с.
6. Barker P. et al. Regeneration. London: Penguin Books, 2008, 256 p.
7. Flood A. Hilary Mantel warns writers they must stand by what they say. In: The Guardian, Guardian News and Media, 15 Sept. 2016. – Available at: <https://www.theguardian.com/books/2016/sep/15/hilary-mantel-warns-writers-they-must-stand-by-what-they-say>
8. Gaiman N. Kazuo Ishiguro's 'The Buried Giant'. In: The New York Times, The New York Times, 25 Feb. 2015, Available at: www.nytimes.com/2015/03/01/books/review/kazuo-ishiguro-s-the-buried-giant.html.
9. Hilary Mantel on writing historical fiction. In: BBC Radio. The Day Is for the Living. Medium, 12 July 2017. Available at: medium.com/@bbcradiofour/hilary-mantel-bbc-reith-lectures-2017-aeff8935ab33
10. Ishiguro K. My Own Private Japan. In: Asian American Writers' Workshop, 30 Nov. 2018. Available at: <http://aaww.org/kazuo-ishiguro-my-own-private-japan/>
11. Ishiguro K. The Buried Giant. Faber & Faber, 2015, 300 p.
12. Mantel H. Hilary Mantel: Why I Became a Historical Novelist. In: The Guardian, Guardian News and Media, 3 June 2017. Available at: www.theguardian.com/books/2017/jun/03/hilary-mantel-why-i-became-a-historical-novelist.
13. Wood J. Kazuo Ishiguro's Folly. In: The New Yorker, 9 July 2019. Available at: www.newyorker.com/magazine/2015/03/23/the-uses-of-oblivion.

Ліденкова О.А., к.ф.н., доц.

Гомельський державний університет імені Франціска Скоріны, Гомель, Білорусь

ПАМ'ЯТЬ І ІДЕНТИЧНІСТЬ В СУЧАСНІЙ БІЛОРУСЬКІЙ І АНГЛОМОВНІЙ ПРОЗІ

Постійний пошук ідентичності є однією з відмінних рис сучасної літератури. Звернення до історичної пам'яті є закономірним засобом пошуку особового і національного відродження і надбання себе. Стаття присвячена виявленню деяких стратегій подолання кризи ідентичності в прозі білоруських і англомовних авторів через діалог з минулим, трансцендентний досвід, ритуал, творчу уяву.

Ключові слова: ідентичність, літературний діалог, лейтмотив, сучасна література, історична проза, травма.